

ОЛЕГ
ПРЯНИЧНИКОВ

**ВЕСЁЛАЯ
ЖЕ-ЖЕ...**

Олег Евгеньевич Пряничников

Весёлая же-же... (сборник)

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42598975

Олег Пряничников. Весёлая же-же...: Алетейя; СПб; 2019

ISBN 978-5-907115-57-6

Аннотация

Есть книги юмористические, есть драматические. А что будет, если взять и объединить два этих столь непохожих друг на друга жанра в один сборник. Или, может быть, даже в одну повесть, один рассказ? Очевидно, что читателю предложат одновременно и проанализировать какие-то жизненные ситуации, и подумать на философские или бытовые темы, и понаблюдать за причинами и следствиями и, в итоге, посмеяться над тем, что обычно смешным совсем не кажется. Книга «Весёлая же-же...» – это как раз попытка соединить несоединимое, переплести трагическое и комическое, показать актуальные проблемы нашей реальности в необычном ключе и, вызвав смех сквозь слезы, заставить подумать о том, что важно, и о том, что таковым лишь кажется. В сборник вошли повести и рассказы. Все они имеют свой собственный сюжет и своих героев и объединены, прежде всего, стилистикой повествования и настроением. Книга бесспорно является актуальной и поднимает ряд значимых вопросов. Она написана в легкой манере с использованием довольно редких в

современной литературе приемов. В ней есть юмор, и есть, над чем подумать.

Содержание

Сказ о чуде

6

Конец ознакомительного фрагмента.

28

Олег Пряничников

Весёлая же-же...

© О. Е. Пряничников, 2019

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2019

Сказ о чуде

1

Казалось бы, тихая, спокойная сентябрьская ночь опустилась на уральский лес. Но вдруг поднялся шквальный ветер, и огромные чёрные тучи, словно огромные чёрные корабли, приплыв со всех сторон, в каком-то странном, я бы даже сказал – военном, порядке построились и нависли над лесом. Ухнуло. Потом ещё. Ещё. И вот уже целая канонада небесного грома сотрясала воздух и землю. И засверкали молнии, подобные огромным турецким саблям. Они вонзались в несчастный лес, расщепляя стволы кустарников и деревьев, срезая, словно бритвой, их ветки. Иногда что-то вспыхивало, но, слава богу, пожара быть не могло, потому что лил дождь. Лил крупный и густой дождь. И так продолжалось всю ночь. Наконец к шести утра атака туч-кораблей на лес закончилась, чёрная армада уплыла восвояси, шквальный ветер затих. Вместо него заиграл дружелюбный, задорный ветерок, а над лесом, окружённое белым ореолом, стало всплывать рыжее сонное солнышко. И хотя лесу и был нанесён немалый урон, он не выглядел жалким, он по-прежнему был прекрасен: его ели звенели, расправляя могучие плечи, его

полянки оживали – поднимались трава и цветочки, его ручейки журчали, как ни в чём не бывало. А вот и птицы зачирикали. А вот и солнышко проснулось окончательно и принялось отдавать своё тепло всему живому. Чудо!

Но полюбуйтесь ещё на одно, тоже вполне осязаемое, да только не очень-то симпатичное чудо, точнее сказать – Чудо-юдо. Появившись непонятно откуда в лесу, это Чудо-юдо ползло. Оно ползло сквозь чащобу, раздвигая трёхметровым чешуйчатым телом стволы приличного калибра и раздавливая им любую живность. Оно хваталось лапами с длинными когтями за всё, за что только можно было ухватиться, отталкивалось острыми коленями и ползло. Ползло и... стонало. Выбравшись на светлую поляну, существо приостановилось. Под взгляд его алых, чуть дымящихся – без зрачков! – глаз попал внушительных размеров пень. Продолжая стонать, оно взгромоздилось на него. Оно село, подобно человеку, пристроив зад и согнув в коленях задние лапы. У существа кровоточил бок, на его жабьей морде лежала печать страдания. Так, как делает это человек рукой, существо поширило передней лапой под пнём, и вот в его когтях блеснула ампула – граммов эдак на двести. Трясущейся лапой чудище поднесло к пасти ампулу и... выронило её. Всё бы ничего, ампула упала рядом с пнём, в траву, но в траве предательски спрятался камень. Услышав лёгкий звук разбивающегося стекла, чудище взвыло, да так, что лес замер: птицы перестали петь, дятел – тюкать, болото – пузыриться. Нако-

нец существо отревело. Вскоре в его когтях блеснула вторая, точно такая же ампула, и она была последней. Резким движением Чудо-юдо вогнало стеклянную «торпеду» прямо себе в рану, ампула лопнула, встретившись с рёбрами. Чудо-вище взвыло почти так же, как и до этого. Но спустя минуту мерзкое, ужасное тело успокоилось и обмякло. Алые глаза потухли. А уральский лес наоборот – снова ожил.

2

Вот уж год, как сорокалетний Михаил Евгеньевич Кремниев являлся пенсионером. Пенсию получал по инвалидности. Заболевание у него было странное, медицине не известное. Двадцать лет назад, вернувшись из армии, Миша Кремниев устроился на единственный в городе металлургический завод учеником кузнеца. Кстати, современный кузнец – это вам не тот языческий лохматый силач с испариной на лбу да в кожаном фартуке, кующий мечи, подковы и гвозди, – это совсем другой персонаж: чумазый работяга в суконной робе, на голове которого пластмассовая каска, на носу – защитные очки, его слух защищают наушники, а с недавнего времени – беруши. Этот человек находится возле огромного пресса, где вручную (щипцами) подкладывает под молот пятидесятикилограммовые стальные, алюминиевые или титановые чушки или то же самое делает при помощи манипулятора.

Вот к такому кузнецу-работяге и прикрепили Мишу

Кремниева, только что отслужившего в армии, на два месяца учеником. А через два месяца способный ученик сдал на разряд и начал работать самостоятельно. А ещё через пять лет Мишу Кремниева все коллеги по цеху (вплоть до начальника цеха) стали величать Михаилом Евгеньевичем.

Девятнадцать лет Михаил Евгеньевич Кремниев отдал заводу. Работал себе человек, работал и вот на тебе – рядовой медосмотр. Отоларинголог проверяет слух, а слух-то у кузнеца сверхотменный. Вроде бы это хорошо? Но заступил как-то бригадир-кузнец на смену и... из ушей его внезапно потекла кровь. Звуки он стал слышать в десятки раз отчётливей обычного человека. Беруши помогали, но от грохота пресса порвало ушные перепонки.

Боль позже отступила, а неизвестная в мире медицины болезнь осталась. Кремниева направили в Москву. В Москве врачи собрали консилиум, постановили: обострённый слух, чем громче произнесённый звук, тем хуже ушным перепонкам. Взвинченная человеческая речь, надрывное мяуканье кошки, близкое жужжание пчёлки – ещё куда ни шло, а вот, к примеру, громкий стук, резкий хлопок, грохот, взрыв – всё это могло сыграть очень злую шутку со слухом, вплоть до глухоты. Закончив обследование, светила медицины прописали необычному больному беруши, дали инвалидность, свалив всё на профболезнь, и отпустили с миром.

Простившись с заводом, Михаил не спешил искать новую тихую работу, пенсия по инвалидности была не такой

уж плохой (приплачивал завод). Да и много ли надо одному, ведь за всё время сознательной жизни он так и не женился и детей не завёл. А родителей он схоронил несколько лет назад: мать умерла от рака, после чего от горя у отца не выдержало сердце.

Почти год бывший кузнец валял дурака, редко с кем общался из друзей, знакомых и родственников, но зато за это время он пристрастился к чтению. Записался в заводскую библиотеку и мало того, что брал книги на дом, так ещё и два-три раза в неделю посещал читальный зал, там садился обычно в какой-нибудь угол и читал, читал, читал. Он увлекался этим настолько, что не всегда вставлял в уши беруши. А иногда и вовсе забывал про них.

3

Сегодня он снова пришёл в этот храм святой тишины, вечных страстей и истин. Поднялся на второй этаж, с трепетом открыл обычные деревянные двери и проник в атмосферу, где одни люди с жадностью поглощали фантазии и мысли других людей, называемых в мире писателями.

– Губермана, если можно. Любую книжку.

– Минутку...

Миловидная блондинка – библиотекаряша Варя – скрылась в «книжных джунглях» и вскоре, лучезарно улыбаясь, вынесла Кремниеву томик стихов.

– Спасибо, – сухо поблагодарил он и удалился в свободный угол читального зала.

Всё это время, точнее, целый год Варя наблюдала за высоким, чуть седовласым, с умными карими глазами мужчиной, и каждый раз, когда Михаил приходил в библиотеку, а именно – в читальный зал, где она работала, сердце её стучало сильнее, чем обычно. Глядя на него, она мысленно отмечала: «Надо же, всегда выбритый и чисто одетый». И частенько беспокоилась: «Неужели женат?» Затем успокаивалась: «Хотя кольца нет». А ещё она иногда думала: «Какой мужчина! Жалко, кажется, глуховат...»

К своим двадцати девяти годам библиотекарша Варя получила высшее образование, сходила, как говорят, замуж, родила мальчика, развелась и теперь жила тихой, монотонной жизнью с матерью-пенсионеркой и девятилетним сынишкой.

Стихотворения Губермана были занятыми: весёлые умные четверостишия жемчужными бусинками нанизывались на нить доверительного разговора автора с читателем. Поглощать это легко. Закончив читать, Кремниев подошёл к столу библиотекаря и вернул книгу. Варя невольно привстала.

– Как вам Губерман? – с неким волнением спросила она.

– Смешно, поучительно.

– Мне тоже по душе его «гарики». И даже мат у него уместен.

– Ещё как! – согласился бывший кузнец. – Правда, я за свою трудовую деятельность наслушался этой скабрёзности выше крыши.

– Кстати, вы так давно сюда ходите, а мы даже не знакомы. Меня Варей зовут, – женщина протянула ему свою маленькую ручку.

– Я знаю. Меня – Михаилом, – он бережно пожал её ручку своей клешнёй.

– И я знаю, что вас зовут Михаилом. Конечно же, вы работаете на нашем металлургическом.

– Работал, – пояснил мужчина. – Ныне на пенсии.

– Такой молодой?

– У меня инвалидность – профзаболевание.

– А... простите... мне искренне жаль, – Варя повернула голову к окну, за которым дымились трубы металлургического завода. – Вот он, кормилец нашего города...

Миловидная библиотекарьша тоже нравилась Михаилу. Но ему – сорок, Варя гораздо моложе; мужчина застеснялся, подумав, мол, куда мне! Она встретит мужчину более достойного, чем он, – ровесника. И главное – здорового... Зачем портить молодой женщине жизнь? Хотя женщина Михаилу очень приглянулась.

Последних слов, сказанных Варей, Кремниев прочитать по её губам не смог, а расслышать не позволяли беруши. И как раз в этот момент вошедший читатель нечаянно громко хлопнул дверями. Михаила словно спугнули.

– До свидания, – пробормотал он и зашагал к выходу.
Завтра он собирался отправиться в лес.

4

Слева от перрона располагался дачный посёлок, справа – лес. День обещал быть солнечным, как-никак бабье лето. Михаил вынул из ушей беруши, поправил на плече рюкзак, в котором лежали лукошко и термос с горячим чаем, и с наслаждением втянул полной грудью воздух. «Ну, здравствуй, родной», – мысленно поздоровался он с лесом и направился вглубь чащобы. Хруст сухой ветки, тюканье дятла, уханье совы щекотали ушные перепонки, но Михаил терпел ради завораживающей, дивной, осенней красоты уральского леса. Мужчина знал здешний лес с детства, его грибные места. Но сегодня чего-то дельного попадалось мало (постарались дачники). Да и Бог с ними, с грибами, не они – главная цель. Михаил наслаждался хрустальным воздухом, солнышком, которое начинало набирать свой оранжевый цвет, и, самое главное, наслаждался тишиной. Вдруг Кремниев уткнулся в странный бурелом, с туннелем внутри: такое ощущение, что по лесу полз огромный червяк, ломая своей тушей кустарники и деревья, сгибая их в крутые дуги. Бывший кузнец, поражённый невиданным зрелищем, с осторожностью пошёл по «следу» мнимого чудища; иногда он невольно наступал на красно-бурые пятна, напоминавшие кровь.

Михаил шёл всё осторожнее и осторожнее. Но бурелом закончился, и ничего сверхъестественного не произошло. Далее раскинулась весёлая, светлая полянка, среди неё торчал большой пенёк. Пень густо оцетинился опятами. «Мама моя! Хоть что-то!» – обрадовался Кремниев и приготовил лукошко с ножом. Срезая опята и складывая их в лукошко, он то и дело оглядывался на бурелом, при этом думал об этой странной загадке природы. Находясь в таком «рассеянном» состоянии, он не заметил осколочков стекла и поранил указательный палец левой руки. От неожиданности он ойкнул, машинально сунув палец в рот. Теперь Михаил увидел и красноватые осколочки стекла и всё те же красно-бурые пятна на пне и около него.

«Что ж, всему есть объяснения, – успокоившись, мысленно стал разговаривать сам с собой Кремниев. – Если рассуждать логически, быть может, начался сезон охоты на крупного зверя. В общем: стреляли, скажем, в лося. Ранили бедняжку, он метался, видимо, даже полз – вот тебе и бурелом, и кровь. Ясно, что событие ужасное...» Хотя открыт или не открыт сезон охоты, Михаил точно не помнил! Затем он посмотрел на порезанный палец, ещё раз осмотрел его весь – ранку затянуло, как будто её и не было.

«Вот это да!» – выкрикнул он, подумав: «Странное стекло». Он решил, что пора сматываться. Сидя в электричке, Михаил пил чай, но картина загадочного, неведь откуда взявшегося бурелома у него не выходила из головы. Напро-

тив Михаила на тряском сидении притулился мужичок в телогрейке из разряда этаких, бывалых, как говорят в народе.

– Вы не знаете, – обратился к нему Кремниев, – сезон охоты уже начался?

– Это смотря на какую птицу, зверя, – ответил бывалый.

– Ну, скажем, на лося.

– На лося ещё не начался, вот тёплые деньки уйдут и начнётся. Сам жду с нетерпением, я же охотник. А вы?

– Нет, я не охотник.

«Не начался...» – мелькало у него то и дело в голове...

Вернувшись домой, Михаил первым делом замочил грибы. Ближе к ночи сварил их и засолил «по-горячему», как учила его покойная мать. Получилось три литровые баночки. Не удержался и съел несколько свежих, непросоленных грибочков. Спать лёг поздно. Ему, переваливающемуся с бока на бок, во сне, чудились кошмары: какое-то чудовище, какая-то прелестная женщина с платиновыми волосами и странным рубином на лбу, какой-то сердитый старик. С такими же волосами, с таким же рубином на лбу... Чушь какая-то...

5

Массивное кресло было деревянным, без всякой краски, обивки и подушек, на пухлых резных ножках, по бокам – с резными поручнями. Такое кресло могло вместить и выдер-

жать пятерых взрослых людей, но сидел в этом кресле единственный могучий старик. Его платиновые волосы стекали на широкие плечи, такие же платиновые усы переходили в бороду платинового цвета, коя время от времени вздымалась на покато́й груди. Его чело обхватывал тонкий золотой обруч со странным на лбу большим рубином, который каждую секунду менял оттенок – зрелище завораживающее. Белого цвета, длинное одеяние, опоясанное кушаком, было надето на старике, из-под полы выглядывали острые носки сапог тоже белого цвета. Глаза старика были закрыты, руки мирно покоились на коленях, он не спал и не дремал. Он был погружён в раздумья. Возле его ног, свернувшись калачиком, словно собачонка, лежал маленький горбун в красном костюме скомороха, который не просто спал, он дрыхнул, издавая храп и пуская слюни. Как называлось такое помещение, ярко-освещённое, в котором находились кресло, старик и горбун, понять было невозможно. Вроде бы зал дворца: высокий белый потолок, белые колонны, но – никакой помпезности, из мебели одно кресло, по бокам тяжёлые шторы тоже белого цвета. Но окна или что-то иное таились за ними, было не ясно. И непонятно было, откуда исходил необычно яркий свет. Вдруг в метрах десяти от старика возникло серебристое облако, которое быстро рассеялось. Вместо него появились трое – два огромных белых голубя и... Чудо-юдо, его крыльями с усилием подтолкнули те же голуби. Старик открыл глаза, спокойное выражение его лица не

изменилось. Проснулся и отодвинулся от его ног карлик-горбун. Тот позевал, протёр глазенки и живо вскочил на свои кривые ножки.

– На колени, – тихо приказал старик.

– На колени! – продублировал хозяина своим мерзким скрипучим голосом горбун, просеменив вокруг чудовища.

Чудовище не шелохнулось.

– Ну! – у старика набрякли желваки.

– Ну! – подхватил скоморох.

Издав рык, Чудо-юдо припало на одно колено, но головы не преклонило.

– Ты вновь совершил преступление, – в голосе старика появились грозные нотки, – ты сбежал из моего зоопарка.

– Хозяин, насчёт зоопарка – смешно, ей-богу, смешно! – Горбун покатился по полу. – Хаааааа!

– Цыц! – Старик грозно повёл бровью.

– Яволь! – Горбун мгновенно вскочил на ноги и приложил ладонь к сбившемуся колпаку, на котором дзинькали бубенчики. – Хозяин, подать ли вам посох под номером тринадцать? – Карлик облизнулся. – Посох для испепеления – мой любимый.

– Уймись, дурачок.

– Значит, чуть попозже.

Старик снова обратился к чудовищу:

– Мало тебе того, что я сделал с тобой? Ещё совсем недавно ты был мужчиной в расцвете сил, а теперь ты непонятно

кто и непонятно что. Мало тебе?! Неужели ты и в самом деле надеялся спрятаться от меня на Земле?

Чудо-юдо заговорило, и заговорило вполне красивым мужским голосом:

– Я много лет прожил на Земле, пока был похож на человека. Эта планета стала для меня домом. Вторым домом. Я просто хочу жить в нём, и не только я один. А ещё я хочу, чтобы плохие люди на этой планете становились хорошими. И я готов всячески содействовать этому.

– Что?! – выражение лица старика изменилось, его начал охватывать гнев. – Ты забыл, что я тебя отправил на Землю много веков назад! Но для чего?! Отвечай!

– Я должен был быть проводником твоей воли.

– Моей воли, – каждое слово отчеканил грозный старик. – Моей! Слышишь?! Почему ты не давал умереть людям, когда им это было суждено мною? Зачем ты приглашал за стол переговоров вождей, королей, царей, президентов, предотвращая тем самым войны? И всё это ты делал, не спрашивая меня. Ты помогал людям строить города, ты помогал им двигать вперёд науку, развивать искусство. А сейчас ты собираешься из подлецов варганить ангелов? Разве ты – это я?! – старик помрачнел ещё сильнее. – Надеюсь, ты раскаиваешься?

– Нет, – чудовище по-прежнему не преклоняло головы.

Старик поднялся во весь свой исполинский рост, но не сделал ни шага.

– Хозяин! – взвился горбун, почуяв нужный момент. – Я за тринадцатым!

Холоп метнулся в сторону и подал старику посох чёрного цвета. Тот принял от горбатого карлика посох, именуемый тринадцатым. Ещё минута – и старик направит кончик посоха в Чудовище, от которого в испуге шарахнулись огромные белые голуби.

– Э, хозяин, вы не спросили про универсальный эликсир выздоровления. – Горбун склонился в поклоне.

– Да... м... откуда ты, дерзкий, взял две ампулы универсального эликсира выздоровления? – Старик разозлился не на шутку. – Молчишь? Что ж, гори, несчастный!

– Постой, отец! – в этот момент все услышали пронзительный женский голос, который доносился откуда-то из глубины зала.

– Принесла нелёгкая! – с досадой выпалил карлик.

6

День не обещал ничего хорошего, потому что предполагался быть пустым. Очередной, похожий на другие, серый день, каких у Михаила было сотни. Когда особенно плохо, вспоминаешь, что где-то есть приятели, родственники... Но от тяжёлых чувств нет желания навестить даже их. Значит, ты совсем одинок. Вот это точно – тоска! Впору повеситься. Но не пить алкоголь. Через это Кремниев уже проходил. Уж

лучше в библиотеку.

А там, в читальном зале, как всегда, было тише, чем где-либо. Варя что-то писала, когда Кремниев подошёл к столу. Она подняла голову и приветливо улыбнулась, хотя голубые глаза её оставались грустными.

– Что хотите почитать? – спросила она нарочито громко, памятуя о глухоте Михаила.

– Говорите тише, – бывший кузнец кивнул в сторону читателей. – Я вас прекрасно слышу.

В грустных глазах Вари искоркой пробежало удивление.

– У вас хороший слух? Простите, вопрос некорректен.

– Нормальный вопрос. У меня слух ещё какой хороший!

Просто мне часто приходится запечатывать свои уши берушами – я плохо переношу резкие, громкие звуки. Помните, я говорил вам о своём профзаболевании? Вот оно у меня такое. Сейчас я без берушей. У вас что-то случилось?

Михаил заметил и опечаленность во взгляде, и некую скованность женщины.

– Да. Но зачем вам знать об этом.

– Вы можете мне довериться.

– Мама, – Варя вздохнула. – Понимаете, как это сказать, мой близкий человек... Моя мама заболела.

– Я вам очень сочувствую. – Михаил вынул из внутреннего кармана блокнот, быстро записал и протянул вырванный листок Варе. – Вот мой номер сотового. Давайте созвонимся. Вдруг нужна моя помощь!

– Хорошо. – Варя написала на бумажке номер своего сотового тоже. – Я согласна!

Только Михаил и Варя успели обменяться номерами телефонов, как дверь читального зала отворилась, и вбежал мальчик лет девяти-десяти, сразу с первого взгляда было ясно – ребёнок сильно обеспокоен. Он учащённо дышал и, казалось, вот-вот заплачет. Ребёнок неожиданно, с придыханием закричал, подбежав к Варе:

– Мама!

– Тише, Саша. Что-то с бабушкой?

– Бабушку увезла «скорая» в больницу. Тётя Лида вызвала.

– В больницу? В какую?

– Я не знаю. Тётя Лида знает. Она нас внизу в такси ждёт.

– Простите, Михаил. Тётя Лида – это наша соседка. Что же мне делать? Надо отпроситься, но кто меня заменит? – Варя с надеждой посмотрела на Михаила.

Среди посетителей читального зала забродило недовольное оживление.

– Идите, – твёрдо сказал Кремниев. – Я помогу. Я вас заменю.

– Вы?

– А что тут такого? До закрытия библиотеки осталось пару часов – дотяну. Да и вообще, что тут сложного: выдавай да принимай книжки. – Мужчина ободряюще кивнул взволнованной Варе.

– Действительно, ничего сложного. Михаил, вот в этом журнале делайте записи: кто какую книгу получил и вернул. – Женщина накинула на себя плащ. Она взяла Сашу за руку. – Идём.

– Понял. Не волнуйтесь, всё будет, как надо.

– Друзья! – Варя поспешно обратилась к посетителям. – До конца рабочего дня меня не будет. Все вопросы – вот к этому человеку, зовут его Михаил... э-э-э... Как вас по отчеству?

– Не надо по отчеству.

– Ну хорошо. Большое вам спасибо. – И она снова обратилась к посетителям: – Друзья, зовите его просто Михаилом. Всем до свидания.

Михаил посмотрел вслед торопящимся библиотекарьше и её сыну, что-то в его груди шевельнулось. Что-то приятно-щемящее. Он занял место Вари. Огляделся... Михаил рад был помочь. Был горд от того доверия, которое ему оказали.

Вдруг бывший кузнец почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Он исходил от человека среднего возраста, который был одет в костюм чёрного цвета. На голове у человека была надета модная шляпа. И что самое странное – незнакомец нагло раскурил сигару, пуская колечки дыма. Сидел он в самом конце зала, у выхода. Михаил крепко зажмурился и вновь распахнул глаза. Загадочный посетитель исчез.

«М-м-да, наверное, у меня проблемы... и со зрением! Этого только не хватало. Или это глюк?» – Михаил поморщился, привстав со стула.

Однако табаком несло на весь читальный зал...

Делать было нечего, как отогнать от себя не нужное видение. Когда наступило время покинуть библиотеку, Михаил заглянул к заведующей, объяснив ей всё, что случилось с Варей. И медленно пошёл домой.

7

Диван, телевизор, кухня, диван, мысли, мысли – и так с самого утра.

«Да ну их, мои комплексы. Хватит!» – после нескольких дней одиночества решил для себя Кремниев и набрал номер библиотекарши.

– Варвара, здравствуйте.

– Здравствуйте, Миша. – В голосе женщины слышались печальные нотки.

– Варя, сегодня воскресенье. Выходной день. Может, мы встретимся?

Возникла пауза. Она повисла как-то внезапно. У Михаила застучало сердце – отчего так?

– Я не против, но мне сейчас не до этого. – Варя всхлипнула. – Понимаете... Моя мама... ей плохо, врачи говорят, она умирает... её привезли домой.

– Как домой? Подождите. А как же лечение? Химиотерапия? Что там ещё делают. Варя, я готов помочь всем, чем смогу. У меня есть сбережения.

– Поздно. Врачи сказали, что маму лечить бесполезно. Ей осталось несколько дней...

– Варвара. Где вы живёте? Диктуйте адрес. Я сейчас к вам приеду.

– Миша, вы... ты... ты не знаешь где можно купить грибы? – Варя снова всхлипнула. – Солёные. Опята. Мама их просит. Напоследок.

– Да у меня их целые три литровые банки! Я все три доставлю. – Михаил с готовностью кинулся на кухню. – Сейчас я приеду, я быстро. Я... Ждите. Жди!

Михаил тоже решил перейти на «ты». Отчего бы нет?

По дороге он купил фруктов. Дверь ему открыла заплаканная Варя. В квартире пахло лекарствами, затхлым, спёртым, душным запахом беды. Кремниев знал, как пахнет горе. Как пахнет несчастье. Знал, как пахнет сама смерть.

– Вы без берушей? – отчего-то спросила Михаила Варя.

– Без них, – смутившись от такой заботливости, кивнул Михаил.

Варя провела его в маленькую, затемнённую комнатку.

На разложенном диванчике под ватным одеялом лежала ещё не старая женщина – Варина мама. Измученное болью лицо, покрытое капельками пота, сомкнутые губы. На лбу женщины лежала марлевая тряпочка, смоченная в холодной

воде, её придерживал ручонками Саша.

– Мам, – позвала дочь.

Женщина с трудом приоткрыла глаза.

– Вот, Михаил, познакомься.

В глазах женщины блеснуло подобие любопытства, она даже попыталась улыбнуться.

«Как похожи их улыбки, – подумал Михаил. – Как жаль Варю... и её маму. И сына!»

– Маму зовут Елена Сергеевна, – пояснила Варя, поправляя одеяло на постели у больной.

Михаил протянул объёмный пакет Варе.

– Там фрукты и грибы. Опята.

– Опята? – произнесла Елена Сергеевна. Было понятно, как женщине с трудом дается каждый звук. – С удовольствием съем... грибочек. Мой бывший муж знатным был грибником.

– Почему был, мама! Он и сейчас есть. Где-то.

– Да, где-то, наверное, есть... Михаил... Михаил, я слышала, вы любите читать книги?

– Люблю.

– Моя бабушка, как и мама, – библиотекарь, – похвастался Сашка.

– Архивариус, внук, архивариус, – прошептала больная.

– А какая разница, бабушка?

Больная лишь раскашлялась в ответ.

– Михаил... Варя, – Елена Сергеевна снова заговорила. –

Я хочу, чтобы у вас всё получилось. А Саша, Михаил, Саша – хороший мальчик, послушный.

– Мама. У нас с Михаилом ничего нет. Ты о чём? – Щёки Вари зардели. Она приподняла маме голову, поднесла к её рту ложку с лекарством. – И вообще, быть может, Михаил...

– Я холост, – ответил Кремниев, предупредив вопрос.

Он посмотрел на Варю, потом на Сашку, потом на Елену Сергеевну, такого тепла, что пробежало по его телу, он давно не ощущал. И опять же в груди защемило. Приятно.

– Вот и замечательно... – больная была очень слаба. Лекарство каплями текло по её шее. – Грибы... хочу... чуть-чуть бы...

– Сейчас, – засуетилась библиотекаряша.

– Я помогу, – вызвался Михаил.

– И я, можно, бабушка? – подал голос Сашка.

Елена Сергеевна слабо кивнула. «Бедная!» – подумал Михаил. Михаил, Варя и Саша гуськом отправились на кухню. Мальчик тут же, предвещая вкусненькое, уселся за стол. Варя, еле сдерживая слёзы, мыла фрукты. Михаил протянул мальчику грушу.

– Давай как следует познакомимся, что ли? Я – дядя Миша. Держи грушу и пять.

– Александр. Пять и пять будет десять!

– Тише, Саша. У дяди Миши больные ушки.

– Ребёнок есть ребёнок, Варвара. Видишь ли, я тоже прошёл через это: у меня мама тоже болела, потом, после её

смерти, у отца от горя не выдержало сердце. Поэтому я понимаю вас, но не надо отчаиваться. Так. Где у нас тарелочка? – Михаил продемонстрировал баночку с опятами. – Боюсь, что мои грибочки не совсем ещё просолились. Но, уверен, кушать их вполне можно.

Варя отнесла грибы маме. Та, как ни странно, съела сначала один, затем второй гриб, третий...

Всё это время, пока Варя находилась с мамой, Михаил был на кухне. Он оглядывал шторы на окнах, герани, преклонившие свои головки, чисто вымытые тарелки... Сашка уплетал грушу и с интересом поглядывал на незнакомца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.